

Музыка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Музыка. Максим Горький

Я сижу в кабинете жандармского полковника, в маленькой комнате, сумрачной и тесной; широкий письменный стол, три кресла, обитые тёмной кожей, такой же диван и большой шкаф почти сплошь заполняют её; тягостное впечатление тесноты особенно усилено обилием фотографий на стенах.

Их очень много: группы военных, дамы, дети, снимок с какого-то лагеря, незнакомый мне город на крутом берегу реки, белая лошадь, которую держит на поводу маленький кадет, и монах, снятый во весь рост, – он похож на каменную бабу в степи.

Полковник – высокий, в серой тужурке, немножко сутулый. Лицо у него прозрачное, худощавое. Его голубовато-серые глаза велики и красивы, но смотрят печально, устало. Ему, вероятно, немногим больше сорока лет, но борода у него – седая, волнистые волосы редки, по левой щеке часто пробегает судорога, заставляя его мигать.

Сунув руки в карманы тужурки, он медленно шагает длинными ногами мимо стола и нездоровым голосом говорит:

– Как же вы это объясните, а? Это нужно объяснить...

В кабинете два окна, но они плотно закрыты тёмно-красными шторами; между мною и полковником – красноватая, душная мгла, насыщенная запахами кожи, лекарства и крепким дымом душистого табака.

Когда конвойные вели меня из тюрьмы по весёлым улицам города, я чувствовал себя героем, воспоминания о несправедливостях жизни разжигали в сердце красивый гнев юности, и я шёл на допрос, как на единоборство.

Сначала я отвечал на вопросы полковника задорно, грубовато, добиваясь от него криков и угроз, стремясь вступить в спор со злою вражьей душой, но, когда я присмотрелся к его восковому лицу и печальным глазам, прислушался к его надломленному голосу и равнодушным вопросам, – в сердце всё погасло, задор исчез, стало тягостно, скучно и неловко.

Врага – не было, и не было ничего злого в этом усталом человеке. Ему бы сегодня, в светлый день весны, уйти в поле, в лес и лечь там на молодой траве, лицом в небо, а он кружится по комнате, напрасно теряя время со мною, ставя мне всё один и тот же надоедливый вопрос:

– Зачем вы ездили в Ярославль?

– Я же сказал.

– В это нельзя поверить, – говорит он, внимательно разглядывая пепел папиросы, и снова шаркает туфлями по паркету.

Он смотрит на всё вокруг странно пристальным взглядом, как будто вещи в кабинете незнакомы ему, не нравятся или он не находит среди них чего-то нужного. Иногда он молча кивает головой так сильно, что борода его, касаясь груди, расстилается по ней веером. Он похож на степную птицу, которая кружится над разорённым гнездом.

Впервые вижу я такого человека, и мне думается, что он только один на земле такой.

– Послушайте, – говорит он, остановись и вынув часы, – что же у нас будет, а? Пора вам прекратить это соловецкое сиденье.

И, щёлкнув крышкой, продолжает, глядя в угол, где в сумраке белеет бюст Александра II:

– Вы думаете, я желаю вам зла, хочу держать вас в тюрьме и прочее? Напрасно.

Зачем? Зачем вам торчать в тюрьме?

- Выпустите.

Судорога перекосила его прозрачное лицо, глаз закрылся.

- Не могу, - сказал он, сухо кашляя, крепко поглаживая щеку. На указательном пальце правой руки надето толстое и, должно быть, тяжёлое обручальное кольцо. - Нужно иметь правдоподобное объяснение вашей поездки. Я уйду... на четверть часа, а вы - подумайте и напишите...

Он подошёл к двери, остановился там и, держась за ручку её, тихо сказал:

- У меня в Петербурге сын студент, ровесник вам... И, может быть, в этот момент его тоже вот допрашивает жандармский офицер... Понимаете? Вот как...

Я остался один в красноватой мгле; слова о сыне задели что-то во мне.

"Вот как", - эхом звучало в памяти, и тихо сказанные слова принимали форму вопроса:

"Вот как?"

Обиженно надув щеки, со стены смотрел на меня монах, косила глазом лошадь; полная дама, улыбаясь, разглядывала своё голое левое плечо. Занавесы окон проточены молю, - если пристально смотреть на них, сквозь маленькие дырочки видно бирюзовое весеннее небо.

Полковник слишком часто произносит слово "зачем". Нехорошо чувствует себя его сын, если только он, - вот так же, как я, - сидит в кабинете жандарма.

Уходя, полковник притворил дверь неплотно, и теперь в кабинет вливается тревожными ручьями музыка, - где-то в доме играют на рояле.

Было нестерпимо скучно, музыка звала ближе к себе; я встал, подошёл к двери и выглянул в светлую, полную солнца комнату.

За открытым окном празднично шумит весенний день; узорные тени деревьев лежат на подоконнике и на полу. Против меня - маленькая дверь; за нею слышны звон шпор, мужские голоса, треск разрываемой бумаги, - это мешает слушать музыку; играют в комнате налево; дверь в неё завешена пёстрым, приятно слинявшим ковром; он тихонько колеблется. Музыка уводит от действительности, забыл, где нахожусь, - приподнял ковёр и очутился в небольшой гостиной. Около двери стоял высокий трельяж с цветами. Я встал между ним и драпировкой, - здесь было очень хорошо слышно, и я видел сквозь листья цветов музыкантшу: она сидела спиной ко мне, - очень тонкая, с голой шеей, в каком-то восточном халате из шёлка, пёстром и лёгком. Голова у неё была маленькая, в кудрявых, тёмных волосах. Она играла без нот, негромко, медленно, как бы вспоминая забытое. Её тонкие пальцы перебирали клавиши басов неуверенно, правая рука суетливо бегала по среднему регистру, и я долго следил за трепетом её рук, чувствуя в различности их движений что-то смятённое, робкое и печальное...

А клавиши точно смеются. Сначала мелодия пьесы была неуловима; альты и тенора звучали бессвязно, тяжёлые вздохи басов говорили о чём-то настойчиво и строго, а в общем это напоминало картину осени: по скошенным лугам, по жухлой траве течёт сырой, холодный ветер, зябко трепещет лес под его натиском, роняя на землю последние золотые листья. Вдали уныло поёт колокол невидимой церкви.

Потом среди поля явился человек с открытой головой: высоко подняв руки, он бежит, гонимый ветром, как "перекати-поле", - бежит и всё оглядывается назад. Глухой, тёмный гул сопровождает его, а дали полевые становятся всё шире, всё глубже, и, умаяясь пред ними, он исчезает с земли.

Женщина перестала играть и сидит неподвижно, опустив руки, - она сидит так очень долго.

Я смотрю на неё сквозь цветы, ни о чём не думая, в груди всё ещё звучит красивое эхо; я помню только одно: не надо шевелиться.

Потом правая рука её, медленно и как бы неохотно, снова легла на клавиши, и снова меня обнимают торжественные аккорды. Я слушаю их, закрыв глаза. Мне кажется, что большая толпа людей стройно и единодушно молит кого-то, – молит со слезами гнева и отчаяния. Это очень тяжёлая, мощная пьеса, и странно, что такая маленькая женщина может так сильно играть.

И эта пьеса совершенно лишила меня сознания действительности...

– Да перестань ты барабанить, Наталья! – сердито крикнул рядом со мною полковник.

Она, не снимая рук с инструмента, повернула голову, – лицо у неё маленькое, птичье, очень сжатое с висков, нос – горбатый и большие синие глаза.

– Арестованный провалился куда-то, понимаешь? – говорил полковник, входя в гостиную, с папиросой в толстом янтарном мундштуке, и приглаживая дрожащей рукой волосы на голове.

– Убежал? – испуганно спросила женщина.

– Очевидно...

Я, конечно, сразу понял, что это обо мне идёт речь, но я не мог тотчас же выйти из-за портьера и трельяжа – было неловко и немножко смешно.

– Но как же он? – спрашивала дама.

– В окно вылез, видимо... Это – сумасшедший, чёрт его возьми! – сказал полковник, уходя.

Дама встала и пошла за ним, запахивая капот на груди. Тогда я выдвинулся навстречу ему.

– Вы? – крикнул он, отступая. – Вы – что? Зачем вы здесь?

– Я слушал музыку...

Он мигнул, посмотрел на даму и, грозно нахмутив серые брови, приподнял плечи.

– Если это неприлично, вы меня извините, – сказал я и решил ничего не говорить более.

– Н-да... – отозвался полковник, зажигая папиросу. – Уж я не знаю – как это там – прилично или нет, но делать этого не следовало...

Он пристально уставился в лицо мне и замолчал, а дама, прислонясь к нему, спросила тихонько, но так, что я слышал:

– Его за это накажут?

– Пожалуйте! – сказал полковник, отстранив её и указывая мне на дверь.

А когда я вышел в светлую комнату, он, усмехнувшись, проговорил:

– Вы меня напугали, батенька. Чудак же вы! Разве вы уж так сильно любите музыку, а?

– Редко слышу...

– А... да! Ну-с, сегодня я прекращаю допрос...

И, снова усмехаясь, дважды подмигнув глазом, он добавил:

– Этот случай не располагает... к строгостям... Вам, видимо, придётся ещё разок послушать музыку жены – она всегда играет в это время... До свиданья! Салтыков, сдай конвойным...

Музыка. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Салтыков – толстый, потный жандарм – удивлённо оглядел меня весёлыми, как будто хмельными глазами и со вкусом откликнулся:

– Слушаю, господин полковник!

А когда вывел меня в канцелярию, то сказал укоризненно:

– Что ж вы гуляете по управлению, подобно как по базару? Довольно нехорошая дерзость ваша, и ничего вы не доказали. И что вы думали доказать?

– Просто – я музыку слушал...

– Музыку слушают в городском саду...

И строго скомандовал конвойным, подталкивая меня к ним:

– Принимай, земляки!

1913 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!